

ВЕЧЕРНИЙ СВЕТ

Стивен Кинг
Питер Страуб
Клайв Баркер
Бентли Литтл
Норман Патридж

Эд Горман
Джек Кетчум
Рональд Келли
Стив Резник Тэм
Брайан Д. Фримен

Составитель РИЧАРД ЧИЗМАР

**Рональд Келли
Джек Кетчам
Томас Ф. Монтелеоне
Норман Патридж
Стив Резник Тэм
Клайв Баркер
Бентли Литтл
Стивен Кинг
Эд Горман
Брайен Джеймс Фримен
Питер Страуб
Ричард Чизмар
Вечерний свет (сборник)
Серия «Темная Башня»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11787975

Вечерний свет : [сборник: перевод с английского] / сост. Ричард Чизмар. : АСТ; Москва; 2015

ISBN 978-5-17-092553-7

Аннотация

Журнал «Cemetery Dance», основанный в 1988 году 22-летним студентом университета Мэриленда Ричардом Чизмаром и впоследствии объединивший вокруг себя сотни тысяч фанатов хоррора и саспенса, отпраздновал свое 25-летие!

За эти годы сомнительный любительский проект поднялся до уровня мейнстрима, солидного издания, на страницах которого обрели жизнь истории таких известных авторов, как Стивен Кинг, Питер Страуб, Ричард Матесон, Бентли Литтл, и многих других.

Юбилейный сборник рассказов представляет читателю самые страшные, зловещие и мистические истории от ведущих мастеров жанра.

Содержание

Ричард Чизмар	5
Стивен Кинг	8
Норман Патридж	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Вечерний свет (сборник)

сост. Ричард Чизмар

TURN DOWN THE LIGHTS

ed. by Richard Chizmar

Печатается с разрешения литературных агентств Cemetery Dance Productions c/o The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

© Richard Chizmar, 2013

© Individual stories by their respective authors, 2013

© Cover Artwork for Cemetery Dance #1 by Bill Caughron, 1988

© Перевод. К. Егорова, 2015

© Перевод. А. Кабалкин, 2015

© Перевод. Т. Покидаева, 2015

© Издание на русском языке

AST Publishers, 2015

Ричард Чизмар

При выключенном свете

Был декабрь 1988 года: Джордж Буш только что победил Майкла Дукакиса на президентских выборах. Питчер Орэл Хершизер и «Лос-Анджелес Доджерс» разгромили «Окленд Эйс» в серии из пяти матчей и завоевали Кубок мира по бейсболу. Люди выстраивались в очереди перед кинотеатрами, чтобы посмотреть на Тома Круза и Дастина Хоффмана в «Человеке дождя». Список бестселлеров возглавляли «Кардинал Кремля» Тома Клэнси и «Королева проклятых» Энн Райс. Самыми заметными жанровыми произведениями года были «Молчание ягнят» Томаса Харриса и «Коко» Питера Страуба.

Мне было 22 года. И я решил издавать журнал «Кладбищенский танец».

В то время я учился на журналиста в университете Мэриленда и продавал мрачные рассказы любым изданиям, соглашавшимся их покупать. Некоторые из этих публикаций были достаточно профессиональными, многие – не слишком. И вот, вдохновленный блестящим журналом «Хоррор шоу», издаваемым одним-единственным человеком, Дэвидом Силвой, я задал себе вопрос, из которого вытекали почти все мои безумные идеи: почему нет?

Почему бы не рискнуть и не начать выпускать журнал с прозой как маститых авторов, так и талантливых новичков?

Почему не начать издавать «темную» прозу разных жанров, которым я сам отдаю предпочтение как читатель: хоррор, саспенс, криминал?

Почему не помещать беллетристику вместе с интервью, обзорами и комментариями?

Почему не начать принимать у авторов рассказы в летние каникулы и не запланировать выход первого номера через полгода, в декабре?

Почему не придумать нечто по-настоящему особенное?

Мне как-то не приходило в голову, что я неопытен, не имею ни денег, ни бизнес-плана.

Мечтать дано смельчакам и глупцам. Трусам не до мечтаний.

Почему бы нет, черт возьми?

Я уже говорил, что мне было 22 года?

В первом номере «Кладбищенского танца» было всего 48 страниц. На них поместилась дюжина рассказов, дюжина стихотворений, интервью с Дэвидом Силвой. Обложку и иллюстрации сделал Билл Кафрон. Надо сказать, что с Биллом мы делили комнату в студенческом общежитии, а до того, в детстве, дружили. Кроме него, я не знал никого, кто бы умел рисовать. Как сейчас помню, он рисовал иллюстрации на выбрасываемых лазерным принтером страницах с текстом. А обложку он придумал, сидя в нашей столовой, пока я метал дротики поверх его головы, каждые несколько минут придирчиво проверяя, как у него продвигается дело. Еще помню, как мы с Биллом нажали на кнопку PRINT в компьютерной лаборатории университета Мэриленда и выбежали из комнаты. Дело в том, что над принтером висела табличка, запрещающая печатать больше 10 страниц за один раз. В те времена лазерные принтеры были очень медлительными, поэтому, когда мы вернулись спустя час, чтобы забрать свои 96 страниц, другие студенты высказали нам все, что они о нас думали. Мы, – вот ведь умники, – напечатали сразу две копии.

Хотя в первом номере было всего 48 страниц, на него ушли тысячи часов кропотливой работы. Я сочинял и рассылал письма, читал, отвергал, кланчил рассказы, пытался продавать место для платных объявлений, платил за рекламу в других изданиях, чтобы таким способом

собрать необходимые нам деньги, верстал страницы. Все делалось наугад. Если руководство и существовало, то только у меня в голове. Почти все зависело от инстинкта, воображения и увлеченности. Я учился на собственных ошибках.

На счастье, я мог надеяться на Дэйва Силву, помогавшего мне избегать некоторых ошибок; он отвечал на вопросы в любое время суток, был другом и наставником. Он подбадривал меня, верил в меня.

Вот только на каждый успех приходилось по неудаче. Порой даже по две-три. Но я все равно не поддавался сомнениям. Я наслаждался своей молодостью и верил в победу. Верил, что нащупал многообещающую жилу и просто обязан упорно ее разрабатывать, не теряя уверенности.

Первый номер вышел в назначенный срок, в декабре. Помнится, к тому времени у нас уже был готов материал для второго номера. Будущее проглядывало в виде рассказа Ричарда Мэтисона для третьего номера.

Для нас никогда не стояло вопроса, продолжать ли дальше.

Что нас ждет – успех или провал – тоже не вызывало сомнений.

С самого начала нас вела уверенность в своих силах.

Действительно, почему бы и нет?

Поняв, что близится 25-летие появления первого номера сборника, я почувствовал, что хочу чего-то еще: чего-то особенного, чтобы отметить годовщину и отпраздновать совместно проделанный дальний путь.

За эти 25 лет произошло много всякого: журнал перерос сначала в книгу в твердой обложке, а потом в массовый тираж в мягких обложках, породил комиксы, футболки с логотипами, электронные книги. И его развитие продолжается.

Реальная жизнь тоже не стояла на месте: женитьба, двое замечательных детишек, утрата старшей сестры, рак, снова рак годом позже, смерть моих родителей.

Иными словами, происходила ЖИЗНЬ.

А свидетелем ей продолжал быть «Кладбищенский танец».

Он был частью всего этого.

Книга, мое детище – у вас в руках.

В некотором смысле она – мой небольшой праздник, отложенный на 25 лет.

Книжка невелика, и это неспроста. Мне хотелось поместить в ней произведения той горстки авторов, которые, как я считаю, сделали возможным существование сегодняшнего «Кладбищенского танца» в не меньшей степени, чем я сам.

Не стану распространяться о каждом из них в отдельности. Они знают, почему здесь оказались.

Кое-кто не смог принять участие из-за своего графика: я решил скомпоновать сборник всего две недели назад (а почему нет?), хотя все они говорили о своем желании внести свой вклад.

Увы, отсутствие некоторых имен вызывает скорбь. Хотелось бы мне, чтобы был жив и фигурировал на этих страницах Дэвид Силва. То же относится к Чарли Гранту, Рiku Хотале и Биллу Реллингу. Все они поверили в меня в самом начале, и их вера значила очень многое.

Ныне, в декабре 2013 года, я испытываю чувство глубокой благодарности ко всем, кто вкладывал в журнал свой талант; к его замечательным постоянным сотрудникам и к тем, кто уделял ему часть своего времени; не говоря о чудесных читателях, подстегивающих нас в наших стремлениях. Единственный способ поблагодарить вас – продолжать делать то, чем я занимался последнюю четверть века. Надеюсь, этого хватит.

А теперь приглушите свет, переверните страницу, возьмите меня за руку и начнем танец...

пер. А. Кабалкин

Стивен Кинг Летний гром

Пока с Гэндальфом все было нормально, Робинсону тоже было нормально. Нормально, не в смысле «все хорошо», а в смысле «жить можно». Он до сих пор просыпался посреди ночи, и нередко в слезах, вырываясь из снов – таких ярких! – в которых Диана с Эллен были живы, но когда он брал Гэндальфа с одеяла в углу и укладывал к себе на кровать, обычно ему удавалось заснуть снова. Самому Гэндальфу было вообще все равно, где спать, и если Робинсон клал его рядом с собой, Гэндальф нисколько не противился. Ему было тепло, сухо и безопасно. Его спасли и приютили. И больше его ничто не волновало.

Теперь, когда рядом был кто-то – живая душа, нуждавшаяся в заботе, – стало как-то полегче. Робинсон съездил в универмаг в пяти милях от дома по шоссе 19 (Гэндальф сидел на переднем сиденье, уши торчком, глаза горят) и набрал упаковок собачьего корма. Магазин был заброшен и, конечно, разграблен, но никто не польстился на «Эуканубу». После шестого июня людям стало не до домашних питомцев. Так рассудил Робинсон.

Больше они никуда не выезжали. Оставались в доме у озера. Еды было много: и в кладовой рядом с кухней, и в погребе. Робинсон часто шутил насчет запасливости Дианы, мол, она прямо готовится к апокалипсису, но в конечном итоге шутки обернулись против него самого. Против их обоих, на самом деле, потому что Диана уж точно не предполагала, что когда грянет апокалипсис, она окажется в Бостоне, куда она поехала вместе с дочерью узнавать насчет поступления в колледж Эмерсон. Запасов еды было столько, что ему одному хватит до конца жизни. Робинсон в этом не сомневался. Тимлин сказал, что все они обречены.

Если так, то обреченность была красивой. Погода стояла чудесная, солнечная и теплая. Раньше в летние месяцы озеро Покамтак гудело от рева моторных лодок и аквабайков (старожилы ворчали, что они губят рыбу), но этим летом на озере было тихо, если не принимать в расчет крики гагар... но и тех с каждым днем становилось все меньше и меньше, и их крики звучали все реже и реже. Сперва Робинсон думал, что это всего лишь игра его воображения, пораженного горем точно так же, как и все остальные детали его мыслительного аппарата, но Тимлин уверил его, что ему это не чудится. Все так и есть.

– Разве ты не заметил, что в лесу почти не осталось птиц? Гаички не щебечут по утрам, вороны не каркают в полдень. К сентябрю и гагар не останется. Вымрут, как те идиоты, которые все это сотворили. Рыбы продержатся чуть дольше, но в конечном итоге и они тоже погибнут. Как олени, кролики и бурундуки.

С этим, конечно же, не поспоришь. Робинсон видел у озера почти дюжину мертвых оленей и еще нескольких – у шоссе 19, когда они с Гэндальфом ездили в магазин, где раньше у входа висела реклама – ВЕРМОНТСКИЙ СЫР И СИРОП! ПОКУПАЕМ ЗДЕСЬ! – теперь же она валялась надписью вниз на пустующей автозаправке, где уже давно нет бензина. Но самый большой мор животных случился в лесу. Когда ветер дул с востока, в сторону озера, а не прочь от него, вонь стояла невероятная. Теплая погода только усугубляла положение, и Робинсон однажды высказался в том смысле, что ядерной зимы что-то не видать.

– Еще придет, не беспокойся, – сказал Тимлин, сидя в своем кресле-качалке и глядя на пятнистый закат в кронах деревьев. – Земля еще поглощает удар. К тому же, из последних известий мы знаем, что южное полушарие – не говоря уж о большей части Азии – затянуто сплошной облачностью, и, возможно, уже навсегда. Наслаждайся безоблачным небом и солнцем, Питер. Радуйся, пока есть возможность.

Как будто его сейчас могло что-то радовать. Они с Дианой собирались поехать в Англию – их первый долгий совместный отпуск после свадебного путешествия, – когда Эллен поступит в университет.

Эллен, подумал он. Его дочь, которая только-только пришла в себя после разрыва с ее первым настоящим бойфрендом и снова начала улыбаться.

В это прекрасное постапокалиптическое лето Робинсон каждый день прикреплял поводок к ошейнику Гэндальфа (он понятия не имел, как звали пса до шестого июня; тот явился к нему в ошейнике, на котором висел только жетон о прививке, сделанной в штате Массачусетс), и они шли на прогулку: две мили до весьма недешевого пансионата, где сейчас остался один-единственный обитатель, Говард Тимлин.

Диана однажды назвала эту дорогу раем для ландшафтных фотографов. Большая ее часть проходила по обрывистому берегу озера, за которым, милях в сорока, виднелся Нью-Йорк. Там был один очень крутой поворот, рядом с которым даже поставили знак: ВОДИТЕЛЬ, СЛЕДИ ЗА ДОРОГОЙ! Разумеется, дети, приезжавшие сюда на лето, окрестили его Поворотом мертвеца.

«Лесные просторы» – до Конца света это был частный и весьма недешевый пансионат – располагались примерно в миле от поворота. В главном здании, отделанном диким камнем, когда-то работал ресторан с потрясающим видом из окон, пятизвездочным шеф-поваром и «пивным буфетом», укомплектованным тысячей сортами пива. («Большинство из них пить невозможно, – сказал Тимлин. – Уж поверь мне на слово».) Вокруг главного корпуса, на отдельных лесистых участках, располагалось две дюжины живописных «коттеджей»; некоторыми из них владели крупные корпорации – до того, как шестое июня положило конец любым корпорациям. В начале лета большинство коттеджей пустовало, и в безумные дни, что последовали за шестым июня, те немногие отдыхающие, что успели приехать в «Лесные просторы», сбежали в Канаду, где, по слухам, не было радиации. (Тогда еще оставался бензин, и можно было сбежать.)

Владельцы «Лесных просторов», Джордж и Эллен Бенсоны, остались. Остался и Тимлин, который был разведен и бездетен, то есть оплакивать ему было некого, и он хорошо понимал, что истории о Канаде – наверняка небылицы. Потом, в начале июля, Бенсоны приняли снотворное и улеглись в постель под Бетховена, который звучал на проигрывателе, работавшем от батареек. Тимлин остался один.

– Все, что ты видишь – мое, – сказал он Робинсону, сделав широкий жест рукой. – И когда-нибудь станет твоим, сынок.

Во время этих ежедневных прогулок в «Лесные просторы» Робинсону становилось чуть-чуть легче, его горе и ощущение полной растерянности слегка унимались; яркий солнечный свет зачаровывал. Гэндальф обнюхивал каждый куст и пытался пометить их все. Он храбро лаял, когда из леса доносились какие-то звуки, правда, при этом старался держаться поближе к Робинсону. Поводок нужен был исключительно из-за мертвых белок и бурундуков. Гэндальф не пытался их метить, он пытался их съесть.

Дорога, ведущая к «Лесным просторам», была ответвлением проселочной дороги, где стоял дом Робинсона и где он теперь жил один. Когда-то дорогу к пансионату закрывали ворота, охраняющие проход от любопытствующих зевак и нищелюбов вроде него самого, но сейчас ворота уже не запирались. Около полумили дорога вилась по лесу, где косой тусклый свет, проникавший сквозь кроны деревьев, казался почти таким же древним, как вековые сосны и ели, потом она огибала четыре теннисных корта и поле для гольфа и заворачивала за конюшню, где лошади теперь лежали мертвыми в своих стойлах. Коттедж Тимлина располагался на дальней – по отношению к главному зданию – оконечности территории. Скромный домишко с четырьмя спальнями, четырьмя ванными, джакузи и собственной сауной.

– Зачем тебе четыре спальни, если ты живешь один? – однажды спросил Робинсон.

– Мне самому столько не надо, – ответил Тимлин. – И никогда не было надо. Но здесь все коттеджи на четыре спальни. Кроме «Наперстянки», «Тысячелистника» и «Лаванды». Там спален пять. А у «Лаванды» еще и дорожка для боулинга. Со всеми удобствами. Но когда я ездил сюда ребенком, с родителями, у нас туалет был на улице. Честное слово.

Когда приходили Робинсон с Гэндальфом, Тимлин обычно сидел в кресле-качалке на широкой открытой веранде своего коттеджа под названием «Вероника», читал книгу или слушал музыку на айпаде. Робинсон спускал Гэндальфа с поводка, и пес – обычная дворняга без каких-либо узнаваемых признаков породы, не считая явных ушей спаниеля – мчался вверх по ступенькам, чтобы получить причитающуюся ему порцию ласки. Погладив Гэндальфа, Тимлин легонько тянул его за серо-белую шерсть в разных местах и, убедившись, что шерсть сидит крепко и проплешин нет, всегда говорил одно и то же: «Замечательно».

В тот погожий денек в середине августа Гэндальф поднялся на веранду лишь на пару секунд, быстро обнюхал ноги Тимлина и тут же спустился с крыльца и побежал в лес. Тимлин поприветствовал Робинсона, подняв руку ладонью вперед, как индеец из старого фильма. Робинсон ответил тем же.

– Пиво будешь? – спросил Тимлин. – Холодное. Только что вытащил его из озера.

– Сегодня опять что-нибудь вроде «Старого пердуна» или «Зеленого змия»?

– Ни то, ни другое. В чулане нашелся ящик «Будвайзера». Король всех пив, как ты, наверное, знаешь. Я его экспроприровал.

– В таком случае, с удовольствием выпью.

Тимлин поднялся кряхтя и пошел в дом, с трудом переставляя ноги. Артрит совершил внезапное вероломное нападение на его бедра, объяснил он Робинсону, и, не останавливаясь на достигнутом, решил предъявить права и на лодыжки. Робинсон никогда не спрашивал, сколько Тимлину лет. С виду – лет семьдесят пять. Его худощавое тело давало все основания предположить, что старик в свое время следил за собой и занимался спортом, но сейчас он уже терял форму. Сам Робинсон был в прекрасной физической форме, никогда в жизни он не чувствовал себя лучше, и в этом-то и заключалась злая ирония судьбы, если учесть, что у него не осталось почти ничего, ради чего стоит жить. Тимлину он точно не нужен, хотя тот всегда принимает его радушно. В это странно прекрасное лето он нужен только Гэндальфу. И это нормально, потому что пока достаточно и Гэндальфа.

Просто парень и его пес¹, подумал он.

Упомянутый пес явился из леса в середине июня, тощий и грязный, с репьями в шерсти и с глубокой царапиной на морде. Робинсон лежал в гостевой спальне (потому что не мог спать в постели, которую они делили с Дианой), страдая бессонницей из-за своего горя и глубокой депрессии, осознавая, что он медленно, но верно склоняется к тому, чтобы сдаться и покончить с этой жизнью. Еще пару недель назад он назвал бы подобный подход проявлением трусости, но с тех пор он узнал несколько неоспоримых фактов. Боль не проходит. Скорбь не проходит. К тому же жить ему в любом случае осталось недолго. Чтобы это понять, достаточно просто вдохнуть запах животных, разлагающихся в лесу.

Он услышал, как кто-то скребется в дверь, и сначала подумал, что это может быть человек. Или медведь, почуявший запах еды, хранившейся в доме. Тогда генератор еще работал, и горели садовые фонари, освещавшие двор, и когда Робинсон выглянул в окно, он увидел

¹ Отсылка к одноименной повести Харлана Эллисона, где речь тоже идет о постапокалиптическом мире (примечание редакции)

маленькую серую собачку. Она то скреблась в дверь, то пыталась улечься на крыльце. Когда Робинсон открыл дверь, собачка сперва отшатнулась, прижав уши к голове и поджав хвост.

– Давай заходи, – сказал Робинсон. – И быстрее, а то комаров напустишь.

Он налил в миску воды, и песик принялся жадно лакать. Потом Робинсон открыл банку консервированного рагу с солониной, и приبلуда съел все подчистую. После импровизированной трапезы Робинсон попытался его погладить, надеясь, что пес его не укусит. Пес его не укусил, а облизал ему руку.

– Будешь Гэндальфом, – сказал Робинсон. – Гэндальфом Серым. – А потом разрыдался. Он пытался сказать себе, что смешон со своими слезами, но он не был смешным. В конце концов пес – живая душа. Робинсон был уже не один в доме.

– Так что там с твоим мотоциклом? – спросил Тимлин.

Они открыли по второй банке пива. Когда Робинсон допьет эту банку, они с Гэндальфом начнут собираться домой. Путь был неблизкий, как-никак две мили. Робинсон хотел выйти пораньше; с наступлением сумерек начинали зверствовать комары.

Если Тимлин прав, подумал он, то взамен кротких землю унаследуют кровопийцы. При условии, что на земле вообще останется кровь для питья.

– Аккумулятор сдох, – сказал Робинсон. А потом: – Жена взяла с меня слово, что я продам мотоцикл, когда мне исполнится пятьдесят. Она говорила, что после пятидесяти реакции уже не те, чтобы гонять на мотоцикле.

– И когда тебе исполняется пятьдесят?

– На будущий год, – ответил Робинсон. И рассмеялся над этой нелепой мыслью.

– Утром у меня выпал зуб, – сказал Тимлин. – Может быть, в моем возрасте это нормально, но...

– А крови нет, когда ходишь в сортир?

Тимлин – почетный профессор, который вплоть до прошлого года вел семинары по американской истории в Принстонском университете – говорил ему, что это один из первых признаков прогрессирующего радиационного заражения, а уж он-то знал побольше, чем Робинсон. Робинсон же знал только то, что его жена с дочерью были в Бостоне, когда жаростные мирные переговоры в Женеве докатились до ядерной вспышки пятого июня, и жена с дочерью все еще были в Бостоне на следующий день, когда мир покончил с собой. Почти все восточное побережье, от Хартфорда до Майами, выгорело дотла.

– Сошлюсь на пятую поправку и промолчу, – сказал Тимлин. – А вот и твой песик вернулся. Кстати, проверь ему лапы, а то он прихрамывает. Кажется, задняя левая.

Они не нашли ни одной занозы в лапах Гэнфальфа, но когда Тимлин легонько потянул его за шерсть на крестце, оттуда вырвался целый клочок. Гэнфальф, похоже, ничего и не почувствовал.

– Нехорошо, – сказал Тимлин.

– Может быть, это чесотка, – сказал Робинсон. – Или стресс. У собак так бывает: шерсть вылезает при стрессе.

– Может быть. – Тимлин смотрел на запад, на дальнюю сторону озера. – Сегодня будет красивый закат. Хотя, конечно, они теперь все красивые. Как в тысяча восемьсот восемьдесят третьем, когда извергся Кракатау. Только сейчас рвануло на десять тысяч Кракатау. – Он наклонился и погладил Гэндальфа по голове.

– Индия и Пакистан, – сказал Робинсон.

Тимлин выпрямился.

– Ну, да. А потом всем остальным тоже пришлось поучаствовать. Даже у чеченцев была парочка бомб, которые они привезли в Москву в багажниках пикапов. Как будто весь мир сознательно позабыл, у скольких стран – и группировок, черт, группировок! – были эти дуры.

– И на что эти дуры способны, – добавил Робинсон.

Тимлин кивнул.

– И это тоже. Мы слишком сильно переживали за лимит государственного долга, а наши заокеанские друзья бросали все силы на то, чтобы запретить детские конкурсы красоты и поддержать евро.

– Ты уверен, что в Канаде тоже все заражено?

– Все дело в степени заражения, как мне кажется. В Вермонте почище, чем в окрестностях Нью-Йорка, а в Канаде, возможно, почище, чем в Вермонте. Но скоро дойдет и туда. Плюс к тому, большинство из тех, кто сбежал в Канаду, они уже заражены. Заражены смертью, перефразируя Кьеркегора. Хочешь еще пива?

– Да нет, я, пожалуй, пойду. – Робинсон поднялся на ноги. – Айда, Гэндальф. Пора сжечь немного калорий.

– Завтра увидимся?

– Быть может, после обеда. Утром у меня дела.

– Что за дела, можно спросить?

– Надо съездить в Беннингтон, пока у меня в баке еще есть бензин.

Тимлин приподнял брови.

– Хочу посмотреть, нет ли там аккумуляторов для мотоциклов.

Гэндальф самостоятельно доковылял до Поворота мертвеца, хотя с каждой минутой его хромота усиливалась. Когда они добрались до поворота, пес просто уселся на землю, словно готовясь смотреть на кипящий закат, отражавшийся в озере. Закат был ярко-оранжевым, пронизанным артериями темно-красного цвета. Гэндальф скулил и лизал свою левую заднюю лапу. Робинсон сел рядом с ним, но когда первый отряд комаров вызвал массивное подкрепление, он подхватил Гэндальфа на руки и пошел дальше. Когда они добрались до дома, руки у Робинсона дрожали, а плечи болели. Если бы Гэндальф весил фунтов на десять больше – или хотя бы на пять, – Робинсон вряд ли смог бы его дотащить. Голова тоже разболелась, то ли из-за жары, то ли из-за второй банки пива, то ли подействовали оба фактора.

Трехполосная дорога, спускавшаяся к его дому, тонула в сумраке, и сам дом был темным. Электрогенератор испустил дух еще несколько недель назад. Закат уже догорал, небо стало похоже на тусклый багровый синяк. Робинсон поднялся на крыльцо и положил Гэндальфа на пол, чтобы открыть дверь.

– Давай, малыш, заходи, – сказал он.

Гэндальф попробовал встать, но быстро сдался.

Когда Робинсон наклонился, чтобы снова подхватить его на руки, Гэндальф попробовал еще раз. Он даже сумел переступить через порог, но тут же свалился набок, тяжело дыша. На стене над ними висело две дюжины фотографий людей, которых любил Робинсон, и все они были, наверное, уже мертвы. Он больше не мог даже набрать номера Дианы и Эллен, чтобы послушать запись их голосов на автоответчике. Его собственный телефон сдох вскоре после электрогенератора, но еще прежде вся мобильная связь отключилась.

Он достал из кладовки бутылку питьевой воды, наполнил миску Гэндальфа и насыпал ему сухого собачьего корма. Гэндальф немного попил, но есть не стал. Когда Робинсон присел на корточки, чтобы погладить пса, шерсть у него на животе вылезала клоками.

Боже, как быстро, подумал Робинсон. Еще утром с ним все было нормально.

Робинсон взял фонарик и пошел в пристройку за домом. На озере закричала гагара – одна-единственная. Мотоцикл был накрыт куском брезента. Робинсон сбросил брезент и провел лучом фонарика вдоль сверкающего корпуса мотоцикла. «Фэт Боб» 2014 года

выпуска, то есть ему уже несколько лет, но пробег был небольшим; те времена, когда Робинсон наезжал по четыре-пять тысяч миль с мая по октябрь, давно миновали. Но «Боб» все равно оставался мотоциклом мечты, пусть даже эти мечты в основном были о том, где он ездил на нем последние пару лет. Воздушное охлаждение. Четырехклапанный движок. Шесть скоростей. Объем почти 1700 кубических сантиметров. А какой звук! Такой звук бывает только у «Харлеев». Как летний гром. Когда ты останавливался на светофоре рядом с каким-нибудь «шевроле», его водитель спешил запереть все двери.

Робинсон провел рукой по рулю и уселся в седло, поставив ноги на подножки. В последнее время Диана упорно настаивала, чтобы он продал мотоцикл, и каждый раз, когда он куда-нибудь выезжал, она вновь и вновь напоминала ему, что в Вермонте не зря есть закон о мотоциклетных шлемах, его придумали умные люди... в отличие от идиотов в Нью-Хэмпшире и Мэне, где такого закона нет. Сейчас он мог ездить без шлема, если ему так захочется. Уже не было ни пилящей его Дианы, ни полиции округа, которая вкатила бы ему штраф. Он может ездить на мотоцикле хоть голышом, если ему так захочется.

— Хотя надо будет следить, как бы чем не зацепиться, когда соберешься слезать, — сказал он вслух и рассмеялся. Он вернулся в дом, не накрыв «Харлей» брезентом. Гэндальф лежал на подстилке из одеял, которую Робинсон для него соорудил, лежал, уткнувшись носом в переднюю лапу. Он так и не притронулся к корму.

— Ты бы поел, — сказал Робинсон. — Поешь, и тебе полегчает.

Наутро Робинсон обнаружил, что на одеялах под задними лапами Гэндальфа растеклось красное пятно, и хотя пес очень старался подняться, у него ничего не вышло. Когда он свалился во второй раз, Робинсон вынес его во двор. Сначала Гэндальф просто лежал на траве, а потом все же сумел привстать, чтобы сделать свои дела. Из него хлынула струя жидкого кала пополам с кровью. Гэндальф отполз подальше, словно стыдясь этого безобразия, и скорбно уставился на Робинсона.

В этот раз, когда Робинсон взял его на руки, Гэндальф взвизгнул от боли и оскалил зубы, но не укусил. Робинсон отнес его в дом и уложил на подстилку из одеял. Взглянув на свои ладони, он увидел, что они покрыты слоем собачьей шерсти. Он отряхнул их, и шерсть полетела, словно волокна молочая.

— С тобой все будет в порядке, — сказал он Гэндальфу. — Просто расстройство желудка. Наверняка ведь сожрал одного из этих чертовых бурундуков, пока я не видел. Давай лежи, отдыхай. Я уверен, что когда я вернусь, тебе полегчает.

Бензобак «силверадо» был заполнен наполовину — более чем достаточно, чтобы съездить в Беннингтон и обратно, в общей сложности, шестьдесят миль. Робинсон решил сначала зайти к Тимлину и спросить, не нужно ли ему чего.

Его последний сосед сидел у себя на веранде, в кресле-качалке. Он был бледен, и у него под глазами набухли багровые мешки. Робинсон рассказал Тимлину про Гэндальфа, и тот кивнул.

— Я почти всю ночь не спал, бегал в сортир. Видимо, мы с ним подхватили одну и ту же заразу. — Он улыбнулся, чтобы показать, что это была шутка... хотя совсем не смешная.

Нет, сказал он, в Беннингтоне ему ничего не нужно, но, может быть, Робинсон заглянет к нему на обратном пути.

— У меня для тебя кое-что есть, — сказал он. — Может, оно тебе пригодится.

Дорога до Беннингтона заняла больше времени, чем рассчитывал Робинсон, потому что шоссе было забито брошенными машинами. На стоянку перед «Царством Харлей-Дэвидсон» он приехал ближе к полудню. Витрины были разбиты, все выставочные

модели исчезли, но на складах мотоциклы остались. На них стояли противоугонные устройства с крепкими замками.

Робинсона это не огорчило; ему был нужен только аккумулятор. Он присмотрел подходящий «Фэт Боб», на пару лет поновее его собственного, но аккумулятор был с виду точно таким же. Он достал из багажника набор инструментов и проверил аккумулятор «Импульсом» (подарок от дочери на день рождения двухлетней давности). На тестере загорелся зеленый огонек. Робинсон снял аккумулятор, потом прошел в торговый зал и нашел несколько атласов автомобильных дорог. Выбрав самый подробный, он построил маршрут по проселкам и вернулся на озеро к трем часам дня.

По дороге он видел немало мертвых животных, включая огромного лося, лежавшего рядом с бетонными блоками, что служили ступеньками к чьему-то жилому прицепу. На заросшей сорняками лужайке перед прицепом стояла табличка с надписью от руки. Всего три слова: СКОРО НА НЕБЕСА.

На крыльце «Вероники» было пусто, но когда Робинсон постучал в дверь, Тимлин крикнул, чтобы он заходил. Старик сидел в гостиной, обставленной в нарочито простецком стиле, и выглядел еще бледнее, чем утром. В одной руке он держал большую льняную салфетку. На ней краснели пятна крови. На журнальном столике перед Тимлином лежали три вещи: огромная книга «Красота Вермонта», шприц, наполненный желтой жидкостью, и револьвер.

– Хорошо, что ты заглянул, – сказал Тимлин. – Я не хотел уходить, не попрощавшись.

Первое, что пришло в голову Робинсону: «Не спеши уходить», – но он понимал всю абсурдность такого ответа, и ему удалось промолчать.

– У меня выпало полдюжины зубов, – сказал Тимлин, – но это не главное достижение. За последние двенадцать часов из меня вышли почти все кишки. Самое жуткое: это почти не больно. Когда я лет двадцать назад страдал геморроем, и то было хуже. Боль еще придет – я много читал, и знаю, как все происходит, – но я не собираюсь ее дожидаться. Ты нашел аккумулятор, который искал?

– Да. – Робинсон тяжело опустился в кресло. – Господи, Говард... Мне так жаль.

– А у тебя самого как самочувствие?

– Вроде нормально. – Хотя это была не совсем правда. У него на руках появилось несколько красных пятен, совсем не похожих на солнечные ожоги, и одно пятно – на груди, над правым соском. Они чесались. И еще... завтрак вроде не лез наружу, но желудок, похоже, был не особенно этому рад.

Тимлин наклонился вперед и постучал пальцем по шприцу.

– Демерол. Я собирался вколоть себе дозу и рассматривать фотографии видов Вермонта, пока не... пока не. Но потом передумал. Револьвер – самое то, я считаю. А ты бери шприц.

– Я еще не готов, – сказал Робинсон.

– Это не для тебя. Гэндальф заслуживает того, чтобы избавить его от страданий.

– Я думаю, может быть, он сожрал дохлого бурундука, – слабо возразил Робинсон.

– Мы оба знаем, что это такое. И даже если бы он сожрал бурундука, эта падаль настолько пропитана радиацией, что с тем же успехом он мог бы сожрать капсулу с кобальтом. Чудо, что он вообще продержался так долго. Будь благодарен за то время, что вы провели вместе. Такой вот маленький дар судьбы. Собственно, это и есть хорошая собака. Маленький дар судьбы.

Тимлин пристально посмотрел на Робинсона.

– Не плачь обо мне. Если будешь плакать, я тоже расплачусь, так что давай-ка без этой хрени. Настоящие мужики не режут.

Робинсону удалось не расплакаться, хотя, если честно, сейчас он не чувствовал себя настоящим мужиком.

– В холодильнике есть еще упаковка «Будвайзера», – сказал Тимлин. – Не знаю, зачем я поставил его туда, но привычка – вторая натура. Принесешь нам по баночке? Лучше уж теплое пиво, чем вообще никакого; кажется, это сказал Вудроу Уилсон. Выпьем за Гэндальфа. И за твой новый аккумулятор. А я пока схожу малость позаседаю. И хорошо, если малость.

Робинсон пошел за пивом. Когда он вернулся в гостиную, Тимлина там не было, и не было еще минут пять. Вернулся он медленно, держась за стену. Штаны он снял и обернул вокруг пояса банное полотенце. Старик опустился в кресло, вскрикнув от боли, но все же взял банку пива, которую ему протянул Робинсон. Они выпили за Гэндальфа. Пиво было теплым, да, но не таким уж и противным. Все-таки это «Король всех пив».

Тимлин взял револьвер.

– Это будет классическое викторианское самоубийство, – сказал он, вроде бы даже довольный такой перспективой. – Пистолет к виску. Свободной рукой прикрываешь глаза. Прощай, жестокий мир.

– Я сбегу с бродячим цирком, – сказал Робинсон первое, что пришло в голову.

Тимлин от души рассмеялся, показав десны с немногочисленными оставшимися зубами.

– Это было бы мило, но я сомневаюсь. Я тебе не рассказывал, как меня в юности сбил грузовик? Молоковоз, как их называют наши британские кузены.

Робинсон покачал головой.

– Дело было в тысяча девятьсот пятьдесят седьмом, мы тогда жили в Мичигане. Мне было пятнадцать. И вот я иду по проселочной дороге, направляюсь к шоссе номер двадцать два, где я надеялся поймать попутку до Траверс-Сити, приехать в город и пойти в кино на двойной сеанс. Я замечтался о том, как у меня будет девушка – такая вся стройная, длинноногая, с высокой грудью – и сам не заметил, как вышел с обочины на проезжую часть. Молоковоз ехал с горки – водитель гнал, как сумасшедший – и сбил меня, что называется, в лоб. Если бы цистерна была полная, я бы, наверное, так и остался лежать на той дороге, но она была пустая и не такая уж тяжелая, так что я выжил, и благополучно дожил до семидесяти пяти лет, и на собственном опыте испытал, что значит засрать весь унитаз, который давно не смывается.

Вряд ли на это существовал адекватный ответ, и Робинсон промолчал.

– Помню, как солнечный свет вспыхнул на лобовом стекле этого молоковоза, когда он проехал вершину холма, а потом... ничего. Думаю, что-то подобное произойдет, когда пуля войдет мне в мозг и отменит все мои мысли и воспоминания. – Он наставительно поднял палец. – Только на этот раз из ничего уже не будет чего-то. Просто яркая вспышка, как солнечный блик на стекле того молоковоза, и все. Мысль, одновременно манящая и до ужаса угнетающая.

– Может, пока повременишь, – сказал Робинсон. – Вдруг ты...

Тимлин вежливо ждал продолжения, приподняв брови. В одной руке – револьвер, в другой – банка с пивом.

– Черт, я не знаю, – сказал Робинсон. А потом, неожиданно для себя самого, выкрикнул в полный голос: – *Что они сделали?! Что они сделали, мудаки?!*

– А то ты не знаешь, что они сделали, – отозвался Тимлин, – и нам теперь с этим жить. Ты любишь этого пса, Питер. Это любовь-замещение – любовь-суррогат, – но мы берем то, что дают, и если у нас есть мозги, мы испытываем благодарность. Так что не сомневайся. Коли его в шею, и коли твердо. Если он будет дергаться, держи за ошейник.

Робинсон поставил банку на стол. Он больше не хотел пива.

– Он был совсем плох, когда я уходил. Может быть, он уже умер сам.

Но Гэндальф не умер.

Когда Робинсон вошел в спальню, пес приподнял голову и дважды ударил хвостом по промокшему одеялу. Робинсон сел рядом, погладил Гэндальфа по голове и подумал о превратностях любви – таких простых, на самом деле, когда смотришь на них в упор. Гэндальф положил голову на колено Робинсона и посмотрел на него снизу вверх. Робинсон достал из кармана шприц и снял защитный колпачок с иглы.

– Хороший пес, – сказал он и схватил Гэндальфа за ошейник, как советовал Тимлин. Морально готовясь к тому, что надо сделать, он услышал грохот выстрела. На таком расстоянии звук был едва различимым, но в окружающей тишине это мог быть только выстрел и ничто иное. Он прокатился над тихим озером, постепенно сходя на нет, попытался отразиться эхом – и не сумел. Гэндальф наострил уши, и в голову Робинсона вдруг пришла одна мысль, совершенно абсурдная, но утешительная. Возможно, Тимлин ошибался насчет *ничто*. Да, вполне может быть. В мире, в котором ты смотришь в небо и видишь звезды, наверное, нет ничего невозможного. Может быть, где-то там они встретятся и пойдут дальше вместе, просто старый учитель истории и его пес.

Гэндальф по-прежнему смотрел на Робинсона, когда тот ставил ему укол. Еще мгновение взгляд Гэндальфа оставался живым и осознанным, и в это бесконечное мгновение до того, как глаза пса потускнели, Робинсон успел сто раз пожалеть о содеянном. Он бы вернул все назад, если бы мог.

Он еще долго сидел на полу, надеясь, что последняя гагара крикнет на озере еще один раз, но все было тихо. Потом он поднялся, сходил в пристройку за домом, нашел там лопату и вырыл яму в цветнике жены. Незачем было рыть глубоко; никто из лесных зверей не придет, чтобы выкопать Гэндальфа.

На следующее утро Робинсон проснулся с привкусом меди во рту. Когда он поднял голову, ему пришлось оттирать щеку, присохшую к наволочке. Ночью у него шла кровь, из носа и из десен.

День снова выдался теплым и ясным, и хотя лето еще не закончилось, первые краски осени уже начали потихоньку расцветивать листья деревьев. Робинсон выкатил мотоцикл из пристройки и заменил сдохший аккумулятор, работая медленно и обстоятельно в глухой тишине.

Закончив с аккумулятором, он повернул переключатель. Зажегся зеленый индикатор нейтралки, но сразу же замигал. Робинсон повернул переключатель обратно, подтянул клеммы и попробовал снова. На этот раз огонек горел ровно. Он завел двигатель, и грохот летнего грома разорвал тишину. Это казалось почти святотатством, но – как ни странно – в хорошем смысле. Робинсон вовсе не удивился, когда вдруг вспомнил о своей первой и единственной поездке на моторалли, проходившее в Стурджисе каждый август. Это было в 1998-м, за год до того, как он познакомился с Дианой. Робинсон вспомнил, как медленно ехал по Джанкшен-авеню на своей «Хонде GB 500», еще один байкер в параде двух тысяч, и общий рев всех этих мотоциклов был таким громким, что казался почти материальным. Вечером в тот же день был большой костер, и бесконечный поток «Allman Brothers», «AC/DC» и «Metallica» лился из многочисленных Стоунхенджей, составленных из усилителей и колонок. Татуированные девчонки, голые по пояс, танцевали в отсветах пламени; бородатые дядьки пили пиво из причудливо раскрашенных шлемов; повсюду бегали дети в татуировках из переводных картинок и размахивали бенгальскими огнями. Это было ужасно и удивительно, мерзко и невероятно прекрасно, одновременно хорошо и плохо – в мире, который стоял на месте и был идеально сфокусирован. А над головой – триллион звезд.

Робинсон оседлал «Фэт Боба» и крутанул ручку газа. Потом отпустил. Газанул и отпустил. Газанул и отпустил. В воздухе разлился густой запах бензиновых выхлопов. Мир был, как корабль, идущий ко дну, но из него хотя бы прогнали тишину, пусть даже только на время. И это было хорошо. Это было отлично. В жопу тебя, тишина, подумал он. В жопу тебя и твою лошадку. Вот он, мой конь – конь из стали, – как тебе это нравится?

Он выжал сцепление и включил ногой первую передачу. Проехал по подъездной дорожке, свернул направо, лихо накренив мотоцикл, и переключился сперва на вторую, потом на третью скорость. Дорога была грязной, местами совершенно разбитой, но мотоцикл легко преодолевал колеи, и Робинсон только мягко подпрыгивал на сиденье. Из носа опять пошла кровь; кровь текла по щекам и улетала назад тягучими длинными каплями. Он миновал первый поворот, затем – второй, накренив мотоцикл еще сильнее, и, когда выехал на короткий прямой участок, переключился на четвертую скорость. «Фэт Боб» нетерпеливо рвался вперед. Слишком уж он застоялся в этой проклятой пристройке, собирая пыль. По правую руку Робинсон краем глаза видел озеро Покамтак: гладкое, словно зеркало, солнце выбило на синей воде золотисто-желтую дорожку. Робинсон издал крик и погрозил кулаком небу – или, быть может, Вселенной, – а потом вернул руку на руль. Впереди показался знак «ВОДИТЕЛЬ, СЛЕДИ ЗА ДОРОГОЙ!», обозначающий Поворот мертвеца.

Робинсон направил мотоцикл прямо на знак и выжал газ до упора. Он еще успел врубить пятую скорость.

пер. Т. Покидаева

Норман Патридж

Цвет крови

В этом городке случаются нехорошие события.

Как, например, этим вечером.

Тот, кто это сделал, стоит на мосту на городской окраине. В руке у него револьвер, в кармане пачка сигарет. Никак не решит, что засунуть себе в рот: сигарету или дуло калибра 0.38. Так и стоит в темноте, ломает голову.

Все, что осталось внизу от реки, – летняя струйка, виляющая среди зарослей камыша и куч мусора, накопившегося за долгую зиму. Неподалеку от моста стоит дом со сломанным рубильником жалюзи в дворовом распределительном ящике. Внутри дома все тонет во тьме, в том числе двое людей, застреленные из пистолета убийцы. Темноты там больше, чем крови, хотя и крови хватает.

Убийца не догадывался, что из этих двоих, мужчины и женщины, вытечет столько крови, но эта ночь преподала ему урок. Кровь больше не течет, но ему все равно слышится в ночи шум алой реки. Он относит это на счет своего воображения. Зрение подсказывает, что здесь нет вообще никакой реки, так, издыхающий ручеек. Тихо шелестит на теплом летнем ветерке камыш. Здесь же валяется мусор, наследие долгой зимы. И тени, густые тяжелые тени, совсем как в доме со сломанными выключателями и жалюзи. А все потому, что в небе этой ночью светит всего лишь тоненький лунный рожок.

Вот оно как. Луна освещает множество домов в городке. Убийца думает о них, о людях, которые внутри. Вломиться еще куда-нибудь с «пушкой» калибра 0.38? Никто здесь не испортил ему жизнь так сильно, как эти двое, оставшиеся лежать в темноте, хотя и у других рыльце в пушку. Он размышляет об этих людях, об их домах, о манящей тьме, готовой покрыть все, что он решит натворить.

Он повинует своим мыслям. Внемлет реке – той, которой здесь нет. Внезапно на него наваливается усталость. Месяц в небе превращается в рану в ночи, и он смотрит не на нее, а на сгусток теней под мостом. Они не обманут, совсем как мысли у него в голове. Тени – они тени и есть, какая там еще река крови?

И все же мысли не дают ему покоя. Мысли – а еще звук. От этого звука некуда деться. Как и от запаха, пропитавшего ночь, – резкого, соленого. У убийцы потные пальцы, и весь револьвер скользкий от пота. Конец вдруг приближается вплотную, и он уже гадает, каким будет на вкус его собственный пот, когда он спустит курок.

Соблазн велик. Может, даже слишком. Но он превозмогает соблазн, роняет револьвер вниз, в густую тень. Сердце начинает ухать, как после долгого забега, зато усталость снимает как рукой. Его охватывает чувство небывалой свободы. Звук, донесшийся снизу, – не то стук, не то всплеск – подводит черту. Во всяком случае, так представляется убийце. Он зажигает сигарету, но не выкуривает в тусклом свете месяца и половины. Он щелчком отправляет ее в темноту, следит за огоньком, исчезающим в темноте, слышит шипение при падении окурка в илстую жижу, в которой уже утонул револьвер.

Он торопится прочь от теней, от несуществующей реки. Сигарета в иле еще не успела потухнуть, а убийца уже сидит в своей машине. Он заводит двигатель и трогается с места. Ему делается весело. Он за рулем, нога на акселераторе, впереди дорога, мили убегают назад. Городок с его нехорошими событиями скрывается вдаль, вместе с ним тускнеет кровь на полу дома со сломанными выключателями, слабеет запах крови.

Убийца мчится в машине, прибавляя скорость.

Но мысли его заняты лодкой.

И рекой по имени Харон.

Поэтому он гонит все быстрее.

Представляя себе пустыни, раскинувшиеся на западе.

Револьвер убийцы медленно падает в темноту, словно опускаясь в мощных потоках кровавого моря. Он ложится на старую перчатку, открытая ладонь которой похожа на пустую колыбель; сухие пальцы скрючены, как будто ждут подходящего момента, чтобы сомкнуться.

Острый лунный луч, пройдя сквозь изогнутые ветви дуба, находит револьвер и перчатку. Рукоятка револьвера по-прежнему в поту, и он увлажняет старую кожу. Пота убийцы совсем чуть-чуть, и он смешивается со многим, что остается невидимым и неслышным на ночном ветру. Этот ветер напитан колдовством, он высушивает пустое речное русло, и невидимое, появившееся ниоткуда, обретает осязаемость, а вскоре и реальность.

О, да. Колдовство обходится без треска огня и без кипения котлов. Оно порождено кровью. Пальцы перчатки сжимаются, движимые его силой. Воздух насыщен резким алым запахом, и перчатка пропитывается им.

В паре сотен ярдов выше по сухому руслу молодая женщина заходится в крике. Ее рот полон крови, красная струйка вылетает из ее рта при соприкосновении кулака с ее челюстью. Удары сыплются на нее, как тени, утяжеляемые словами. Женщина слышит и чувствует их, ее сгибает их вес. Еще немного – и она не выдержит. А словам и ударам нет конца; они проносятся и наносятся со знанием дела, преследуют определенный результат. Вскоре вопли женщины превращаются в условный рефлекс; так с ней происходит почти всегда.

Мужчины – полицейские, женщина – ведьма. Мужчины этого, конечно, не знают. Для них она всего лишь автостопщица, забредшая после наступления темноты в неправильный квартал города. И потом, не такая уж она и ведьма. Она всегда колдовала лишь по необходимости, очень неуверенно, только из-за того, что таскала в рюкзаке несколько кое-каких предметов, а еще из-за семейного наследства, доставшегося ей от бабки. За последнюю неделю она прибегала к своим чарам только в самых простых случаях:

- 1) пусть официантка забудет принести мне счет;
- 2) сегодня я единственная, кому известно о номере 23 в мотеле «Трейдвиндз»;
- 3) лишь бы эти копы не увидели, как я ловлю машину, лишь бы вообще меня не заметили...

Ясное дело, заклинание № 3 не сработало. Сработай оно, все вышло бы иначе. А теперь ведьма лежит на берегу сухого речного русла, неподалеку от моста, по которому ей никогда не пройти, от лазейки для бегства, которой ей никогда не воспользоваться. Копы с ней почти закончили. От рюкзака у нее на спине никакого проку, как и от жалкого колдовского хлама внутри. А вот кровь течет, ее кровь, и это так странно – волшебство, о котором она до сих пор не подозревала, то, которого не смела касаться из страха несусветного позора, – бабкиного предостережения.

Конечно, она не слишком-то и прислушивалась к словам своей бабки. Будь она догадливей, то... то все сложилось бы иначе. Ничто не дается бесплатно, особенно сила. Но прозрение может прийти к стати. Ее ждут перемены, подобно тому, как все поменялось для убийцы, придавившего педаль газа и пересекшего границу округа в двадцати милях отсюда. Дорога перед ним черным-черна, стекло опущено, приглашая в машину темноту; ночь (для него) все еще наполнена музыкой реки, глубокой реки, журчащей позади него, а еще глубокого омута, ждущего его впереди.

Сжимая руль, убийца воображает, что это корабельный штурвал. Ведьма, то теряющая сознание, то вновь приходящая в себя, тоже слышит реку. А потом в ночи раздаются другие звуки. Они долетают из-под моста, и первый из них – металлический. Ржавеющая магазинная тележка извивается и начинает смахивать на скелет, ее красная ручка, к которой прикаса-

лось столько ладоней, вытягивается, словно истосковавшись по прикосновению, и добирается до перчатки с револьвером убийцы. Красная пластмасса на ручке плавится и становится пятью красными пальцами, заполняющими перчатку. Мотки древнего электропровода оплетают, как вены, корзину, превратившуюся в грудную клетку. Вскоре возникает некое существо, на ноги встает то, чего никогда прежде не бывало. Хотя его нижние конечности на колесиках не созданы для хождения среди камыша, мусора и нечистот, оно со скрипом добирается до ржавого «Крайслера», зимовавшего под водой, служившего убежищем для сомов.

Теперь, на исходе лета, в «Крайслере» живут комары и многоножки. Шаркающему существу в перчатке они нипочем. Зажав револьвер убийцы между своих проволочных ребер, оно открывает рукой в перчатке багажник. Там пусто, не считая ветхой pokrышки и домкрата под ней. Сгодится и домкрат.

Существо наклоняется, и из проволочного плеча появляются щупальца из красного металла, они оплетают домкрат и вставляют его в сустав. Теперь у существа есть вторая рука, тяжелее первой. Существо размахивает ею, словно примеряясь к новой конечности. Не имея ушей, оно все равно улавливает тихий лязг металла в темноте, безмолвной, как месяц в небе. Еще несколько движений – и металл становится податливым, словно обретя собственную жизнь.

Новый крик в паре сотен ярдов выше по сухому руслу.

Существо неуклюже устремляется на шум.

Оно безголово.

Пока что.

Просто голова не имеет особенного значения для предстоящей ему задачи.

К тому же головы в таких местах не редкость.

На пути ему попадется еще много мусора.

– Думаю, с нее хватит, – говорит полицейский Гордон.

– А по-моему, ей еще охота, – возражает полицейский Паркс. – Этой наркоше не привывать. Правда, сладенькая?

Ответа нет. Паркс со смехом вытирает сбитые костяшки пальцев о штаны. Да уж, чулан со стиральной машиной у него дома будет теперь смахивать на бойню. А заднее сиденье патрульной машины? Это же там они принялись за эту паршивку? Хорошо, что ночь, никто не заметит кровищи, которой там, наверное, до черта.

Что ж, такова цена власти. Желаете все контролировать – мирись с пачкотней. От фактов не уйти. По пути к начальственным высотам наглядишься на разную гадость. Паркс давно все уяснил и по-прежнему свято в это верит. Сейчас эта мысль приносит успокоение. Он уже готов хохотнуть, если бы не...

Его смех заглушен смехом иного свойства. Этот звук похож на металлический визг пилы – веселого в нем мало. Паркс резко оборачивается, выхватывая в темноте револьвер и не понимая, что даже молниеносное движение в этот роковой момент будет непозволительно медленным...

Все потому, что у него за спиной появилось что-то, и это «что-то» хохочет не по-человечески. Сквозь ветви деревьев просачивается совсем мало лунного света, но Паркс успевает увидеть, что существо настигает его. Боже, как быстро оно движется, смахивает на скелет, не хохочет, а дребезжит, как куча консервных банок, а вместо головы у него ведро, ржавое дырявое ведро, и...

Ведьма все это видит, но не верит своим глазам. Наверное, это сон. Существо железное и красное, как... как кровь. Одна его рука – на самом деле автомобильный домкрат – описывает смертоносную траекторию. Удар направлен первому копу прямо в глаз, он крушит кость его глазницы и проникает в мозг.

Полицейский валится, существо отступает, железные пальцы в перчатке сжимают револьвер, дуло которого изрыгает пулю за пулей. Один, два, три метких выстрела. Из рта второго полицейского течет кровь, и он валится, как подкошенный. Но существо не останавливается, его работа еще не завершена.

На руке больше нет перчатки, в лунном свете мерцают пять острых стальных пальцев. Ведьма ненадолго лишается чувств. Ослепительная вспышка в мозгу, вроде удара током, и она возвращается к реальности. Глаза у нее заплыли, ей трудно и больно смотреть, но ведьма видит, как существо направляется к ней. Упругая походка, лязганье при каждом шаге. Лунный свет сочится сквозь его туловище, как через решето. Покинувшая постамент статуя, беглец из музея безумцев, умеющий перепрыгивать через время – иначе, куда могли подеваться мгновения, которые она никак не может вспомнить?

Вот опять: теперь существо тащит ведьму. А вот они уже оставили заросли и сухое русло далеко позади и карабкаются в темноте по крутому склону. Время определенно совершило прыжок. Ведьма морщится, пытается что-то сказать разбитыми губами, но не может произнести ни слова. Существо движется быстро, должно быть, торопится. Оно нацепило на себя, повесив на проволочную грудь, бляхи обоих полицейских. У него есть голова, ржавое ведро, все в дырах, и... кровь. Кровь проступает из-под ведра, сочится из дыр. В ведре раздается какое-то хлюпанье: туда существо запихало то, что забрало у полицейских, оставшихся лежать в сухом русле.

Без сомнения, там мозг... может быть, сердце тоже. У ведьмы опять мутится рассудок. Существо наклоняет над ней свою башку, дырявое ведро, кровь проливается ей на лицо и приводит ее в чувство.

Кап-кап-кап, думает она. Вот как оно начинается! А потом появляется течь в дамбе, как всегда случается с дамбами, а дальше река...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.